

Н. К. Антонов

КАТЕГОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СВЯЩЕННИКА В УЧЕНИИ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА*

В данной статье анализируется учение свт. Григория Богослова о священстве, определившее во многом всю последующую традицию богословия священства. Предлагается рассмотреть проблему становления священника в контексте наследия свт. Григория с точки зрения категориального анализа. Автор выделяет следующие основные категории становления: образование (*παίδευσις*), выбор философского пути (*πράξις/θεωρία*), достоинство (обозначается через отрицание прилаг. *ἄξιος*), принуждение (*τύραννις*) и благопокорность (*εὐλειθεία*). Автором высказывается предположение, что данные категории не равны аналогичным понятиям неоплатонизма (как то полагают некоторые исследователи). Делается вывод, что рассмотрение данной проблематики у свт. Григория Богослова выходит за рамки философской традиции и приобретает специфические христианские черты. Именно такое осмысление проблемы достоинства позволяет создать новый образ пастыря: 1) сочетающий в себе элементы эллинского и христианского дискурса; 2) отвечающий актуальной ситуации IV века; 3) определяющий дальнейшую традицию богословия священства.

Ключевые слова: священство, патристика, созерцание, деятельность, образование, достоинство, покорность, святитель Григорий Богослов (Назианзин), Юлиан, богословие священства.

Введение

Учение святителя Григория о священстве является ключевым этапом в формировании понимания этой проблематики в церковной мысли, а в творчестве самого Богослова занимает, по словам Ж. Бернарди, лишь немного меньшее место чем учение о Св. Троице¹. Тем не менее, в большинстве работ, посвященных свт. Григорию или богословию того времени, эта тема почти не рассматривается, а если и упоминается,

Николай Константинович Антонов — студент бакалавриата Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, сотрудник научного семинара «Священство и вызовы современности» (nick961@mail.ru).

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Развития ПСТГУ в рамках проекта «Священник перед лицом современности» (2016).

¹ См.: Bernardi J. Introduction // *Gregoire de Nazianze. Discourse 1–3* // Sources Chretiennes. 1978. V. 247. P. 39.

то не в богословском, а лишь в биографическом или историческом контексте². Между тем *Третье слово*³ свт. Григория является первым текстом, целиком посвященным теме священства, в христианской традиции. Между первым веком — пастырские послания апостола Павла, и четвертым — творчество свт. Григория, мы не находим ни одного произведения, в котором бы перед читателем предстал целостный образ христианского священника. Следовательно, любая попытка осмысления священства, поскольку она так или иначе соотносится с церковной традицией, требует обращения к этому тексту.

Отметим, что как минимум два связанных между собой биографических фактора сыграли роль в создании свт. Григорием новой модели священника: не покидавшее его ощущение упадка христианского клира и принуждение к принятию сана со стороны отца. Именно их сочетание позволило ему рассматривать свой опыт становления священником как образец решения общецерковной проблемы⁴.

Не претендуя на всесторонний анализ образа священника в трудах свт. Григория, мы в данной работе обратимся к основным категориям, с помощью которых он разрабатывает тему становления священника. Для этого мы вначале рассмотрим контекст создания *Третьего слова*, а затем постараемся выявить и описать указанные категории в их взаимосвязи.

² Так, в основополагающих трудах о святителе Григории: McGuckin J. *Saint Gregory of Nazianzus: An Intellectual Biography*. NY., 2001; и Bernardi J. *Saint Gregoire de Nazianze*. Paris, 1995, рассматриваются только проблема его рукоположения и филологический анализ *Третьего слова*. В монографии Лебедев А. П. *Духовенство древней Вселенской Церкви*. СПб., 2006, в главах, посвященных IV веку, приводятся лишь обличительные свидетельства свт. Григория, критика епископства, положительное же учение Богослова о священстве не рассматривается.

³ В западной традиции — второе, названия *Слова Apologia de fuga sua* и «Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт после рукоположения в пресвитеры и возвращение оттуда, а также учит, как важен сан священства и каков должен быть епископ» являются позднейшими добавлениями.

⁴ В самом начале *Третьего слова* свт. Григорий пишет, что «Богу угодно, чтобы и он значил нечто для христиан», и т. к. есть многие «тщательно наблюдающие за всеми его поступками», он не может не писать эту апологию. Русский текст творений свт. Григория мы цитируем по изданию: *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Творения: в 2 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2007. 1–2 т. Текст взят с сайта azbuka.ru (URL: http://azbuka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov (дата обращения: 28.02.2017)). Координаты текста мы указываем по изданию SC: *Gregoire de Nazianze*. Discourse 1–3. Paris, 1978. Vol. 247. Or. 2. 2.

1. Адресаты и оппоненты: контекст создания апологии

Как представляется, для понимания *Третьего слова* нам необходимо знать не только время и формальные обстоятельства его написания, но также и то, для кого и, главное, против кого оно написано.

С нашей точки зрения, написание слова в форме проповеди является литературным приемом, а названные в нем причины написания и адресат должны пониматься не совсем буквально. Собственно апологию и объяснение своего «бегства» свт. Григорий приводит в *Первом* и, отчасти, во *Втором словах*, произнесенных пастве на Пасху 362 года, по возвращении в Назианз. В отличие от них *Третье слово* не произносилось, но было издано после Пасхи, а написано было, по-видимому, еще в монастыре Василия Великого в Понте. Написание в монастыре, сложный язык, отсылки к Гиппократу, Аристотелю и Платону⁵ и большой круг связанных со священством сложных и принципиальных тем (иерархия, обожение, отношение монашества к священству и др.) говорят о том, что *Слово* было адресовано не простому слушателю, а монахам круга свт. Василия и небольшой прослойке элиты Назианза⁶.

Какова была цель «произнесения» этого «слова»? В самом начале свт. Григорий называет в качестве таковой свое желание объяснить свои поступки, представить истину. В соответствии с этим *Слово* формально делится на две неравные части, посвященные объяснению причин бегства и причин возвращения автора. Однако обращает на себя внимание тот факт, что первая часть значительно больше второй по объему и, главное, основную часть в ней занимает описание сложности и, фактически, даже невозможности достижения необходимого для священника уровня нравственной чистоты и знаний. Кроме того, в тексте присутствует критика современного священства⁷, указание на то, что недостойный клир — главный порок Церкви, а также некоторые отрывки исключительно пастырской направленности⁸. Изложение же причин

⁵ Elm S. Hellenism and Historiography: Gregory of Nazianzus and Julian in Dialogue // Journal of Medieval and Early Modern Studies. Berkley, 2003. V. 33. P. 503.

⁶ См.: Bernardi J. Introduction // *Gregoire de Nazianze*. Discourse 1–3 // Sources Chretiennes. 1978. V. 247. P. 29–37.

⁷ Ог. 2. 6–7.

⁸ К таковым относятся сравнение с врачом и формирование образа «врачевания душ», описание трудностей проповеди, заключающейся в необходимости доносить свою мысль одновременно до самых разных по образованию и жизненному опыту групп людей и др. См., напр.: Ог. 2. 32–34 и 40–42.

возвращения указывает нам на большинство важнейших для Богослова категорий — аскезу, посвященность Богу и повиновение Ему. Тем самым, сама структура текста говорит о том, что описание причин бегства и возвращения является лишь предлогом к постановке более общей проблемы: свт. Григорий создает этот текст скорее для обсуждения общего смысла и места священства в Церкви, чем для прояснения собственной биографической ситуации.

О том же свидетельствуют присутствующие в тексте отсылки к событиям более широкого церковного и политического контекста. Это прежде всего: 1) раскол в Церкви Назианза в 360 г. из-за подписания Григорием Старшим полуарианского символа веры⁹; 2) восшествие на престол императора Юлиана.

С. Эльм считает именно борьбу свт. Григория за воссоединение Церкви Назианза основным поводом для создания нового образа священника¹⁰. Раскол произошел в 360 г. и был улажен Григорием Богословом в 364-м. Борьба с ересью (которой была впоследствии посвящена вся его жизнь) и предчувствие новых расколов привели свт. Григория к осознанию необходимости «профессионального»¹¹ священства, способного ответить на вызовы времени. Ведь священство из провинциальной аристократии, к которому относился отец свт. Григория, не было готово к богословским спорам, а в сложившейся ситуации это был вопрос выживания Церкви. Свт. Григорию необходимо указать адресату противников и утвердить его в православной вере, чего он достигает с помощью четкого структурирования фрагментов текста пастырской направленности, создавая то, что мы сейчас могли бы сравнить с учебным пособием¹².

Обратимся ко второму событию — восшествию императора Юлиана на престол (361). Первую реакцию свт. Григория на это событие мы видим в том же *Третьем слове*, написанном еще до двух слов *Против Юлиана*. В нем основной мотив — борьба против «зверя». Рассмотрение *Третьего слова* и его проблематики в контексте этой борьбы, в контексте слов *Против Юлиана*, позволяет нам увидеть то интеллектуальное поле,

⁹ Elm S. The Diagnostic Gaze. Gregory of Nazianzus' Theory of Orthodox Priesthood in His Orations 6 De pace and 2 Apologia de fuga sua // Orthodoxy, Christianity, History. Roma, 2000. P. 87–88.

¹⁰ Ibid. P. 87–91.

¹¹ Ibid. P. 85.

¹² Свт. Григорий приводит много классификаций: типы ересей, разные группы слушающих, сложности проповедей, создаваемые оратором и аудиторией, и др.

в рамках которого был создан образ священника. В полемических текстах свт. Григорий критикует языческое представление о богах, спорит с Юлианом о проблеме происхождения власти, об идеальной философии и о принадлежности эллинского образования лишь язычникам¹³. Именно в этом контексте становится понятной «философская» интерпретация священства свт. Григорием, его обсуждение темы образования и некоторые другие аспекты *Третьего слова*.

Итак, мы видим, что свт. Григорий, находясь в условиях как внутрицерковных, так и внешних конфликтов, описывает такой путь становления священника, который должен сформировать готовый к встрече с этими проблемами, равно как и к своему повседневному служению, клир.

2. Категории становления священника

Как человек становится священником? Ниже мы рассмотрим ряд основных категорий, в рамках которых свт. Григорий мыслит этот процесс. Мы увидим, что свт. Григория Богослова волнует вопрос об *образовании*, причем в двух аспектах, христианском и языческом. Кроме того, для него выбор между созерцательной жизнью и священством, составляющий основной конфликт *Третьего слова*, является *выбором философского пути*, требующим особого понимания философии, в контексте которого возникают такие категории, как *недостойнство*, вызывающее отказ от принятия хиротонии, и *принуждение*, и *благопокорность* ему.

2.1. Образование

Образованность (*παίδευσις*¹⁴) занимает столь значимое место в полемике свт. Григория с Юлианом не в последнюю очередь из-за того,

¹³ Подробно эта проблема рассмотрена С. Эльм в статье: *Elm S. Hellenism and Historiography: Gregory of Nazianzus and Julian in Dialogue* // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. Berkley, 2003. V. 33. P. 493–515. Также см.: *Бирюков Д. С. Вера — язык: Юлиан и свт. Григорий Назианзин* // *Император Юлиан: Сочинения*. СПб., 2007. С. 55–90.

¹⁴ Этот термин является самым употребительным, однако вместе с ним встречается и большое количество однокоренных слов. *Παίδευσις* часто встречается в словах против Юлиана, т. к. тема образования — один из ключевых пунктов полемики. Особенно выделяется следующее употребление: *τὴν ἐγκύκλιον παίδευσιν*, переведенное как «первоначальное учение», отсылающее нас к «свободным искусствам», что достаточно важно для понимания идеи образования, присущей свт. Григорию. См. *Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли*. М., 2002. С. 350–358.

что мыслится Богословом как неотъемлемое качество христианского священника. В ранней Церкви требования к образованию священника были минимальными — грамотность, знание молитв, Нового Завета и Псалтыри¹⁵. Отношение же большей части Церкви к эллинской языческой образованности было скорее негативным. Тем не менее, уже шел процесс восприятия языческого образования христианской элитой, в котором отцы-каппадокийцы сыграли важную роль¹⁶. Эта двойственность церковного отношения к античной культуре проявляется и у свт. Григория. Наиболее важной проблемой в образовании священника оказывается для него осуществление синтеза античной и христианской, т. е. общей, мирской, и специально церковной культуры.

Рассмотрим наиболее существенные моменты этого синтеза. Свт. Григорий высоко ценит общее образование, в т. ч. знание философии. Он утверждает, что священник должен обладать знанием «о мирах или мире, о веществе, о душе, об уме и умных существах...»¹⁷. Однако ценность этого знания представляет для свт. Григория значительную внутреннюю проблему, поскольку оно в конечном итоге должно быть принесено в «жертву» Богу, причем жертва означает здесь одновременно и готовность отказаться от «мирской мудрости», и потребность поставить это образование на службу Богу-Слову¹⁸. Священнику особенно необходимо риторическое образование для произнесения проповедей — самой важной его задаче, согласно *Третьему слову*.

В богословском образовании также видна роль эллинской образованности, поскольку из нее заимствуются методы толкования, которые применяются к Писанию. Конечно, свт. Григорий настаивает на глубоком знании догматики: не поверхностном заучивании формулировок¹⁹, но понимании философских терминов, применении их к богословским реалиям и, в конечном итоге, созерцании этих

¹⁵ См.: Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб., 2006. С. 250–251.

¹⁶ Там же. С. 268–289. Известно, что свт. Василий отправлял юношей из Кесарии учиться у известного ритора Либания.

¹⁷ От. 2. 35.

¹⁸ См., напр.: «Одна слава была для меня приятна: отличаться познаниями, какие собрали Восток и Запад, и краса Эллады — Афины; над этим я трудился много и долгое время. Но и сии познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым, чтобы они уступили Слову великого Бога, Которое затмевает Собою всякую витиеватость и многообразное слово ума человеческого» (РГ. 38. 977–978).

¹⁹ См.: Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб., 2006. С. 251.

реалий, что, по его мысли, невозможно без зрелости и «очищенности» ума²⁰.

На фоне этих размышлений особое значение приобретает тема «образование и святость». Хотя критика необразованности епископата является общим местом в творчестве свт. Григория, порой эта критика приобретает неожиданную форму. Прочитируем стихотворение *О себе самом и епископах*:

Дай мне веру одного из апостолов,

200. [дай силу] не иметь денег, дорожной сумы
и посоха; быть полураздетым, не иметь сандалий,
жить одним днем, быть богатым только надеждой;
быть неискусным в словесном мастерстве;
быть тем, о ком нельзя подумать, что он скорее льстит,
[чем говорит правду];

205. [дай силу] не углубляться в исследование чуждых учений.
Пусть явится кто-нибудь, обладающий такими
достоинствами, и я приму все:

не имеющего дара слова, позорного, незнатного, волопаса.
Ведь [праведный] образ жизни покрывает [внешние] недостатки.

215. Только так ты сможешь убедить меня пренебречь знанием²¹.

Фактически, здесь постулируется обязательность образования для епископа — ее отсутствие может не вменяться в вину лишь людям праведной жизни. Существенно, что в 205-м стихе в круг образованности включаются «чуждые», т. е. еретические и, вероятно, языческие учения, об отношении к которым мы писали выше.

Вполне естественно, что в рамках позднеантичной культуры образ жизни такого образованного священника не может не сопоставляться с образом жизни философа.

2.2. Выбор философского пути

Проф. Эльм, рассматривая слова свт. Григория *Против Юлиана*, приходит к выводу, что, во-первых, он полемизирует с императором Юлианом,

²⁰ Еще один важный критерий для становления священника — возраст. Мы видим это как в критике клира, так и в хвалебных словах, где свт. Григорий подчеркивает своевременность в рукоположении. Этот фактор вместе с всесторонним образованием должен обеспечить необходимый для священника опыт, готовность пренебречь которым подтверждает верность избранному служению, но который при этом формирует священника и дает ему необходимый инструментарий.

²¹ PG. 38. 1180–1181.

находясь с ним внутри одного дискурса, т. е. говоря с ним на одном, причем философском, языке, и, во-вторых, что одним из пунктов их расхождений является представление об идеальной философской жизни²². Существенно то, что тем самым свт. Григорий осмысляет путь священства как философский путь. Более того, для него, как и для императора Юлиана, важна проблема выбора верного философского пути — предпочтения практической или теоретической (созерцательной) философии. Однако если философ у Юлиана избирает практику²³, то богослов, апеллирующий к философскому дискурсу с целью прояснения собственной позиции, неизбежно сталкивается с трудностями, проистекающими из содержания христианского благовестия.

Рассмотрим общую схему. Становление философа определяется единым циклом из двух последовательных действий, связанных, соответственно, с созерцательной и с практической философией: удалением от мира²⁴ и возвращением к нему. При этом целью удаления от мира является личное обожение, а целью возвращения — спасение других²⁵, ведь «он есть бог»²⁶, и «через него благо Богом дается людям»²⁷. Следует отметить, что мы плохо представляем себе конкретное содержание слова «спасение», когда его использует император Юлиан, однако нам кажется, что его стоит понимать в контексте идеи обожения и считать его синонимом к «уподоблению богам» и другим неоплатоническим терминам этого ряда²⁸.

Мы не согласны с тезисом проф. Эльм, согласно которому понимание священства у свт. Григория целиком вписывается в описанную схему.

²² Формирование христианской философии и ее связь с эллинской философией была важной проблемой и для свт. Григория, и для всего «образованного класса» христиан IV века. Краткий обзор этой проблематики см. в: *Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999. С. 250–266.

²³ Мы не можем согласиться с тезисом проф. Эльм о выборе имп. Юлианом теоретической философии. Это вступает в однозначное противоречие с текстом Юлиана. Ср.: «Но Сократ отказался от созерцания и принял с радостью практический образ жизни». Русский текст цитируется по: *Юлиан Отступник.* Сочинения. СПб., 2007. Критическое издание: *Julian the Emperor. The Works of the Emperor Julian in Three Volumes.* London, 1913. Vol. 1; *Послание к Фемистию* 264 с. Также см.: *Бирюков Д. С.* Вера – язык... С. 64.

²⁴ О связи христианского аскетического языка с античной философией см.: *Фестюжьер А.-Ж.* Личная религия греков. СПб., 2000. С. 82–92.

²⁵ *O'Meara D. J.* Platonopolis: Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Ох., 2003. P. 3–5.

²⁶ *К Ираклию кинику.* 226b-с.

²⁷ Там же. 267а.

²⁸ См.: *Бирюков Д. С.* Вера – язык... С. 61–63.

Последняя предполагает актуальную святость и обоженность священника, в то время как христианское благовестие говорит о сущностной падшести человека, которая не может быть преодолена никаким аскетическим усилием, и о том, что идеал — «со Христом похоронить себя, со Христом воскреснуть, Христу сонаследовать, стать сыном Божиим и называться богом»²⁹ — в этом мире принципиально недостижим.

Недостижимость идеала ставит церковную мысль о священстве перед наиболее сложной проблемой, сформулированной свт. Григорием в *Третьем слове*. Эта проблема возникает из-за того, что человек, по мысли свт. Григория, не может стремиться к священству, т. к. не может считать себя достойным его.

2.3. Недостоинство

Итак, главная причина бегства, названная свт. Григорием, — переживание своего недостойнства. Мы вновь не согласимся с моделью священника проф. Эльм, в том, что становление священником — однажды произошедший выбор практической деятельности. Речь, с нашей точки зрения, должна идти скорее о процессе, чем об одномоментном акте. Обратим внимание на тот факт, что в модели свт. Григория объективный акт хиротонии и субъективный акт принятия своего нового статуса отнюдь не совпадают во времени. Складывается ощущение, что с точки зрения свт. Григория первое не имеет решающего значения без второго. Это проявилось в целом ряде жизненных ситуаций, в частности, если при становлении пресвитером сам свт. Григорий после небольшого периода бегства принял это служение, то в городке Сасимы, куда его поставил епископом свт. Василий, по его собственным словам, он не совершил ни одной службы³⁰.

Разрешение противоречия между всеобщим недостойнством быть священником и необходимостью присутствия священства в Церкви свт. Григорий находит в «*благопокорности Богу*» (εὐλαϊθεία τοῦ θεοῦ). Впрочем, когда Богослов говорит о священнике святой жизни, он, конечно, не сомневается в том, что такой человек достоин сана, и даже наоборот, утверждает, что он стал «иереем для христиан еще до священства»³¹.

²⁹ От. 2. 23.

³⁰ Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает свою жизнь. Ст. 440–485 (PG. 38. 1059–1062).

³¹ PG. 36. 512, 28.

При этом свт. Григорий подчеркивает, что такой человек сам отнюдь не стремится к рукоположению и принимает его «не с такой опрометчивостью, не с таким нарушением порядка, как делается это ныне, но когда ничего уже не было пренебрежено, чтобы, по очищении себя самого, приобрести опытность и силу очищать других, как требует этого закон духовного последования»³². При этом очевидно, что речь идет об идеале, а не об обычной практике. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно повиновение Богу заставляет принимать священство, даже если сам человек по разным причинам к этому не стремится.

Возвращаясь к проблеме становления священника, процитируем свт. Григория:

Так я понимаю это дело, и выражусь еще яснее: против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон *благопокорности*; потому что Бог по благодати Своей вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на Него уповает и в Нем полагает все надежды³³.

Итак, вот что мы имели в виду, говоря о *процессе* (а не об *акте*) становления: при каждом новом поставлении на должность, если человек ощущает в этом волю Бога, которая проявляется через близких к нему, он, несмотря на понимание своего недостойнства, принимает это «иго», однако важным также является тот факт, что если человек не чувствует изъявления воли Бога на это служение, то ему важнее заняться личным совершенствованием, философией, возводящей его к Богу. Именно проявление воли Бога, преодолевающей описанное сознание недостойнства, вводит в понимание свт. Григорием священства тему принуждения, тирании.

2.4. Тирания

Из-за страха лишиться и этого «любомудрия» свт. Григорий и не хотел своего рукоположения, и почти всю жизнь не мог примириться с принуждением. Насильственное рукоположение во пресвитеры он почти всегда называет словом *τύραννις*, но при этом дает ему в разных произведениях разные определения. Если в *Первом слове* он называет его «благодатной тиранией»³⁴, то в автобиографических стихотворных произведениях он говорит о поступке отца с большой горечью. Тем не менее, вот

³² PG. 35. 1004, 50.

³³ Or. 2. 113.

³⁴ Or.1.1.

что пишет свт. Григорий о своем священническом служении в самые последние годы:

Когда был я отроком и несколько разумения имел в груди, тогда, следуя какому-то прикровенному разуму и похвальным обычаем, восходил я горе к светозарному престолу и не блуждающими стопами шел по царскому пути³⁵.

Проф. Эльм трактует слово *τύραννις* как тиранию со стороны Бога, Который призывает священника к повиновению³⁶. Эта трактовка представляется слишком оторванной от текста, т. к. во всех упоминаниях о поставлении свт. Григория на ту или иную церковную должность однозначно указывается на то, что это было действие отца либо свт. Василия Великого, при этом свт. Григорий чувствовал обиду на обоих; сложно предположить, чтобы свт. Григорий мог испытывать чувство горечи вследствие подчинения воле Бога³⁷. Скорее можно говорить о принятии того факта, что через человеческую тиранию проявляется воля Бога, и неизбежность и принужденность к рукоположению являются ее свидетельством, а неподчинение ей является большим грехом, чем принятие сана вопреки своему недостоинству.

Вообще, идея, что лучшим правителем будет тот, кто не желает править, высказана в «Государстве» Платона и является важным положением во всей платонической философии. В его концепции, для философа очень важным оказываются нежелание власти, отсутствие честолюбия, недовольство из-за власти «человека худшего», отсутствие стремления к богатству³⁸. Все это мы видим и у Богослова. Впрочем, хотя свт. Григорий постоянно говорит о том, что надо действовать убеждением, а не принуждением, и что полученное принуждением ненадежно, тем не менее, он сам также осуществлял насильственные рукоположения³⁹. Итак, по-видимому,

³⁵ Ст. 485 из «Стихов о себе самом» (PG. 38. 1006).

³⁶ Elm S. The Diagnostic Gaze... P. 91.

³⁷ См. ст. с 345 и далее, и с 385 до 410 про отношение к отцу и свт. Василию в «Стихотворении, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою» (PG. 38. 1053, 1056–1057).

³⁸ «По правде же дело обстоит вот как: где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего и распри отсутствуют полностью; совсем иначе бывает в государстве, где правящие настроены противоположным образом» (Платон. Государство. 520d. См. также: 347b-c).

³⁹ Свт. Григорий, будучи уже епископом, рукоположил раба Симпликии, не спрашивая на то ее дозволения и, по-видимому, без согласия на то самого раба. Он пишет, чтобы она не ругала своего раба, т. к. «он был принужден (*τετυράννηται*), и не нарушал закон» (PG. 38. 130, 69).

платоновский принцип, предполагающий постановление в управители тех, кто не желает этого, был актуален в то время, и свт. Григорий, хотя и испытал на себе его действие, сам транслировал его.

Подводя итоги, постараемся выделить основные черты учения свт. Григория о становлении священника, отмечая в особенности присущие ему в этом отношении элементы новизны, оказавшие определяющее влияние на последующее развитие церковной мысли по этой теме.

Из сказанного видно, что *Третье слово* — не просто первый по времени в рамках церковной традиции значительный текст, целиком посвященный проблеме священства, но и точка отсчета систематического дискурса о священнике. Уникальное сочетание искренности и глубины личного переживания с рефлексивным отстранением от проблемы и стремлением к ее общезначимому решению, разработка адекватной эпохе категориальной схемы обуславливают как новизну, так и влияние этого произведения.

Рассмотренные нами категории, определяющие положение священника в Церкви и мире, тесно взаимосвязаны и позволяют продумать это положение как в философском, так и в богословском ключе. Постановка вопроса об *образовании* священника позволяет вписать его «поставление на должность» в рамки платонической традиции понимания философского образа жизни и, как следствие, выявить проблему *выбора* между удалением от общества ради созерцания и практикой общественного служения. Однако именно богословское осмысление качеств священника, осознание необходимой для этого служения степени чистоты и ее принципиальной недоступности приводит к ощущению личного *недостойства*, недоступности сана⁴⁰, а последнее необходимо влечет за собой отказ от рукоположения. И лишь *принуждение*, осмысленное *post factum* как проявление воли Бога, ведет к *покорению* этой воле, что и делает возможным принятие сана.

Влияние описанной схемы на последующую традицию вряд ли можно переоценить. Ее влияние на Востоке определялось ее восприятием в *Шести словах о священстве* свт. Иоанна Златоуста⁴¹, ключевом тексте в восточной

⁴⁰ См.: «330. Церковная же кафедра была для меня досточестна, но как стоял я вдали, то казалась она тем же, чем и солнечный свет бывает для слабых глаз. Скорее мог бы надеяться я всего иного, только не того, что, среди многих переворотов в жизни, получу ее сам» (PG. 38. 1052).

⁴¹ См.: Фокин А. Р. Иоанн Златоуст // Православная энциклопедия. Т. 23. Часть 1. Раздел «Сочинения», «Пастырские и катехизические».

традиции пастырского богословия; ее влияние на Западе — выполненным в 400 г. Руфином Аквилейским переводом *Третьего слова* на латинский язык. Подробное рассмотрение этого влияния должно стать предметом специального исследования.

Источники и литература

Источники

1. *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Собрание творений: в 2 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 1–2 т. [Репринтное издание.]
2. *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Творения: в 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2007. 1–2 т.
3. *Gregoire de Nazianze*. Discourse 1–3 / Bernardi J., ed. Paris, 1978. Vol. 247.
4. *Sanctus Gregorius Nazianzenus*. Opera quae existant omnia / J.-P. Migne, ed. D'Amboise, 1862. Vol. 35–38.
5. *Юлиан Отступник*. Сочинения / Сидаш Т. Г., пер., Бирюков Д. С., ред. СПб., 2007.
6. *Julian the Emperor*. The Works of the Emperor Julian in three volumes / W. C. Wright, tr. London, 1913. Vol. 1.

Литература

7. *O'Meara D. J.* Platonopolis: Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oх., 2003.
8. *Russel N.* The Doctrine of Deification in the Greek Patristic Tradition. Oх., 2004.
9. *Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999.
10. *Фестюжьер А.-Ж.* Личная религия греков. СПб., 2000.
11. *Хлебников Г. В.* Философская теология античности. М., 2005. Часть 2.
12. *Elm S.* Hellenism and Historiography: Gregory of Nazianzus and Julian in Dialogue // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. Berkley, 2003. V. 33. P. 493–515.
13. *Elm S.* Priest and Prophet: Gregory of Nazianzus's Concept of Christian Leadership as Theosis // *Priests and Prophets among Pagans, Jews and Christians* / Dignas B., Parker R., Stroumsa G. G., edd. Leuven; Paris; Walpole, MA, 2013. P. 162–184.
14. *Elm S.* The Diagnostic Gaze. Gregory of Nazianzus' Theory of Orthodox Priesthood in his Orations 6 De pace and 2 Apologia de fuga sua // *Orthodoxy, Christianity, History* / Elm S., Rebillard E., Romano A., ed. Roma, 2000. P. 83–100.

15. Бирюков Д. С. Вера – язык: Юлиан и свт. Григорий Назианзин // Император Юлиан: Сочинения / Бирюков Д. С., ред. СПб., 2007. Ст. 55–90.
16. Bernardi J. Introduction // *Gregoire de Nazianze. Discourse 1–3 // Sources Chretiennes*. 1978. V. 247.
17. McGuckin J. Saint Gregory of Nazianzus: An Intellectual Biography. 2001.
18. McGuckin J. Deification in Greek Patristic Thought: The Cappadocian Fathers' Strategic Adaptation of a Tradition // *Partakers of the Divine Nature. The History and Development of Deification in the Christian Tradition / Christensen M., Wittung J. ed. New Jersey, 2006.*
19. Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб., 2006.
20. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002.
21. Фокин А. Р. Иоанн Златоуст // *Православная энциклопедия*. Т. 23. Часть 1. Раздел «Сочинения». «Пастырские и катехизические».

Nikolay Antonov. Categories of the Formation of Clergy in the Teachings of St. Gregory the Theologian.

The present article analyzes the teachings of St. Gregory the Theologian about the priesthood, which have determined much of the subsequent theology of the priesthood. The author considers the problems of the formation of the clergyman in the context of the writings of St. Gregory from the point of view of categorical analysis. The author identifies the following categories: education (*παιδευσις*), the choice of a way of philosophy (*πράξις/θεωρία*), unworthiness (expressed through the negative adjective *ἄξιος*), compulsion (*τύραννις*), and ready obedience (*εὐπειθεία*). The author expresses the opinion that these categories are not equivalent to their analogues in neo-Platonic thought, as has been proposed by other scholars. The author concludes that the consideration of this topic in the writings of St. Gregory the Theologian goes outside of the boundaries of the philosophical tradition and acquires particularly Christian elements. The new conception of the problem of unworthiness creates a new image of the pastor, one that: 1. unites all of the elements of Hellenistic and Christian discourse; 2. is tailored to the needs of the 4th century; 3. has been able to determine the subsequent tradition of the theology of the priesthood.

Keywords: priesthood, patristics, contemplation, action, education, unworthiness, obedience, Gregory of Nazianzus, Julian the Apostate, theology of the priesthood.

Nikolay Konstantinovich Antonov – Bachelor Student of the Theological Faculty at St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, member of the research seminar "Te Priesthood and Contemporary Problems" (nick961@mail.ru).